

«Народный ислам». Религиозный синкретизм татар Республики Мордовия

Р. Р. Агишев

В статье рассматривается специфика религиозных представлений татар, составляющих одну из локальных форм бытования ислама в условиях полиэтничности и поликонфессиональности. Местная и этническая специфика исполнения исламских ритуалов вызывает неприятие части татарского сообщества, что служит потенциальным конфликтогенным фактором раскола. Для освещения вопросов религиозного синкретизма на примере религиозных представлений татар Республики Мордовия привлекались результаты количественных и качественных исследований: опросы верующих, глубинные интервью татар, включенное наблюдение в рамках обрядов похоронно-поминального цикла. Данные исследований показывают, что ритуальные практики татар – манипуляции с водой и железом, культ авлия, обряд искупления грехов (искят) сохранили значительное число элементов из доисламских и немусульманских религиозных систем. Обряды, в том числе и не соответствующие канонам ислама, воспринимаются большей частью татар Республики Мордовия в качестве истинно мусульманских. В последние десятилетия в связи с процессами исламского возрождения отдельные религиозные обряды, вызывающие критику со стороны мусульманского духовенства, потеряли свою популярность или стремительно ее теряют.

Ключевые слова: ислам, религиозный синкретизм, народный ислам, фолк-ислам, авлия, искят.

Для цитирования: Агишев Р. Р. «Народный ислам». Религиозный синкретизм татар Республики Мордовия // История повседневности. – 2024. – № 4. – С. 103–117. DOI: 10.35231/25422375_2024_4_103. EDN: КТНМРС

Введение

Проблематика взаимообусловленности этнических и конфессиональных представлений в рамках целостной мировоззренческой парадигмы ислама актуализируется целым рядом объективных процессов, вызывающих противоречивые изменения. Мусульманские сообщества в России на протяжении длительного времени представляют собой контактную зону для активных кросс-культурных взаимодействий в условиях многонационального и поликонфессионального пространства, что позволяет исследователям вводить в научный дискурс такие понятия, как «русские мусульмане» [1, с. 152–173], «российский ислам» [2, с. 117–121], «татарский ислам» [3, с. 101–113], «башкирский ислам» [4] и др. При этом исследователи обращают внимание на неоднозначность содержания социокультурных конструктов российского ислама с этнической окраской, отмечая их «невнятную концептуальную проработку» [5, с. 86–94]. Последнее ставит на повестку дня вопрос о каноничности происходящих изменений, об «очищении ислама» [6, с. 131], который в условиях российских регионов отличается специфичным исполнением некоторых религиозных обрядов [7, с. 78].

В контексте поликонфессионального и полиэтнического состава Республики Мордовия, где часть мусульманской уммы отвергает отдельные ставшие традиционными обряды и ритуалы [8, с. 305], обозначенные вопросы приобретают особое звучание и имеют потенциально конфликтогенное наполнение.

В рамках статьи предпринимается попытка осветить синкретичный характер религиозных воззрений татар Республики Мордовия в XX – начале XXI в. Объектом исследовательского интереса выступают татары-мишари (далее – татары), локальная субэтническая группа в составе поволжских татар (46 тыс. чел. по итогам переписи 2020 г.), проживающие на территории региона и исповедующие ислам.

Проблематика статьи требует определения понятия «синкретизм», используемого для описания специфического характера трансформаций в религиозных представлениях татар региона. Религиоведы, обращающиеся к вопросу эволюции религиозных воззрений, выделяют следующие детерминанты религиозного синкретизма: взаимодействие различных религиозных систем, формирование новых социокультурных конструктов на основе

объединения разнородных элементов, устойчивость изменений («опривычивание», регулярное воспроизводство) [9, с. 78]. В контексте данного исследования под религиозным синкретизмом понимается естественное «соединение отдельных культовых элементов в некую целостность как результата взаимодействия религиозных систем различного уровня и степени развития» [10, с. 66].

Феномен регионального варианта ислама, т. е. его способность заимствовать и адаптировать духовные субстраты самых различных религиозных и этнических культур [11, с. 109] в рамках единой поливариативной системы ценностей, неоднократно отмечался российскими исламоведами и нашел свое отражение в активном бытовании термина «народный» ислам. Последние исследователи определяют как сплав местных традиций, связанных с доисламскими обрядовыми практиками и классическими мусульманскими традициями, базирующимися на Коране [12, с. 133].

Феномен религиозного синкретизма в проблемном поле зарубежного религиоведения занимает особое место. Его содержание в первую очередь определяется таким свойством религиозных систем, как взаимопроникновение. Так, Э. Марони отмечает схожесть христианских, исламских и иудейских ритуалов (культ авлия, культ Богородицы, ритуалы практической кабаллы и т. д.) [13], Ч. Стюарт добавляет к этому списку разнообразные местные (в том числе и этнические) традиции и обряды [14]. В контексте проблемы регионализации ислама выделим комплексное определение термина «народная религия» («фольк-религия») Д. Йодера: синтез и одновременно этап формирования целостной религии путем слияния, объединения [15]. Вызывает интерес определение Х. Бхабха, описывавшего гибридные религиозные культуры в постколониальных странах Востока: это синтез и компромисс между национальной и колониальной культурами [16].

В дореволюционной историографии интерес к истории татар Поволжья выражен слабо и находит свое отражение преимущественно в описании их материальной культуры. Сведения о религиозных воззрениях, их содержании и специфике, обрывочные, противоречивые. В. К. Магницкий и Г. Н. Ахмаров, с одной стороны, указывают на сильную приверженность татар своей вере, а с другой стороны, отмечают их обрусение [17; 18].

Начало полноценного изучения духовной культуры татар-мишарей относится к советскому времени, когда организовывались первые комплексные этнографические экспедиции в места компактного проживания татар. Разработка вопросов регионализации ислама на территории Поволжья в этот период тесно связана с именами Р. Г. Мухамедовой, А. П. Смирнова и П. И. Воробьева, которые выделили отдельные синкретические элементы (доисламские социокультурные конструкты) в религиозных представлениях татар-мишарей. Синкретические проявления в особенной степени прослеживались в похоронно-погребальной обрядности, где переплетались исламские и доисламские обряды [19, с. 185].

К мысли о взаимообусловленности исламских практик и доисламских ритуалов, а также традиций религиозных систем соседних народов (православие, буддизм и др.), исследователи неоднократно возвращались и в более позднее время. Л. Д. Гаязов, раскрывая понятие «татарский ислам», указывает на такие его отличия, как этнический характер и влияние суфийских традиций [5, с. 37]. А. К. Идиатуллов в характеристике религиозных воззрений поволжских татар идет еще дальше, заявляя о смешении язычества, ислама, суфизма, православия, сектантских учений и представлений восточных религий [20, с. 36].

К теме бытования ислама на территории Республики Мордовия обращались Р. Р. Агишев, М. Ю. Бареев, А. А. Хасон и др. Так, Р. Р. Агишев и М. Ю. Бареев отмечали, в частности, что становление региональной формы бытования ислама в Республике Мордовия в условиях межкультурного взаимодействия с представителями разной этнической и конфессиональной принадлежности обусловило появление во многих мусульманских обрядах и ритуалах разных, в том числе и неисламских, черт [8, с. 316].

Несмотря на внимание к проблеме регионализации ислама, в том числе и со стороны республиканских исследователей, комплексное представление о содержании, характере и динамике синкретических процессов в религиозных представлениях татар Республики Мордовия только формируется.

Материалами для анализа синкретичного характера религиозных воззрений татар Республики Мордовия послужил пул полевых данных следующих социологических исследова-

ний, проведенных как сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», так и автором: формализованный опрос «Социальный портрет татар Республики Мордовия» (2015 г., n=500), глубинное интервью «Похоронно-поминальный традиционный комплекс татар-мишарей Республики Мордовия» (2017–2020 гг., n=23), включенное наблюдение татарских похоронно-поминальных обрядов (с. Татарские Юнки, 2018–2019 гг., 2023 г.), полуформализованное прямое и опосредованное (телефонное) интервью «Мусульманские традиции и обряды татар Республики Мордовия» (2019 г., n=47).

Предметом настоящей статьи выступают социокультурные включения в религиозные воззрения татар Республики Мордовия – ритуальные практики или их элементы, обряды, традиции, представляющие собой результат культурной диффузии различных религиозных, этнических и мировоззренческих систем.

В рамках исследования выдвигались исследовательские гипотезы, объясняющие своеобразие исполнения и наполнения ритуальной обрядности у татар Республики Мордовия полиэтничным характером историко-культурного пространства региона, в рамках которого на протяжении исторически длительного времени совместно проживали представители разных этносов и конфессий.

Результаты

В рамках статьи подробно остановимся на следующих аспектах вопроса регионализации ислама – похоронно-поминальная обрядность, обрядовые действия с железными изделиями, водой и культ авлия, на примере которых наиболее выразительно проявились процессы культурной диффузии.

Из всего комплекса обрядовых практик похоронно-поминального цикла особый интерес в изучаемом контексте представляет собой обряд *искаят* (*даур*, *фидия*), выступающий одной из наиболее ярких иллюстраций противоречий между официальным и «народным» исламом. Суть его ритуальных действий состоит в принятии грехов (в частности, пропуск намазов, постов, невыплата закята, нарушение клятв и т. д.) усопшего на себя его родственником либо доверенным лицом одновременно с символической передачей денежных средств.

Распространенный в большинстве татарских сел Республики Мордовия в середине XX в. [21, с. 127], в конце 80-х – начале

90-х гг. обряд стал стремительно терять популярность и в настоящее время практикуется незначительным числом мусульман в отдельных поселениях. Практикование обряда вызывает серьезную критику со стороны большинства религиозных деятелей за несоответствие (неканоничность) постулатам ислама (подмена личной ответственности мусульманина за свои поступки безличной коллективной ответственностью) и сходство с христианских ритуалом отпущения грехов.

Воспринимаемый частью татар в качестве мусульманского, обряд искят, тем не менее, содержит в себе некоторые архаические элементы из домусульманских верований. Исследователи, изучавшие бытование обряда у сибирских татар и казахов, мусульман Средней Азии, отмечают следующее: заимствованные из шаманизма представления о возможности переноса зла, грехов, болезни на человека, животных или предметы; вера в сверхъестественные возможности охранительной магии [22, с. 161].

Информанты отмечают, что на протяжении XX в. обряд претерпевал постепенные изменения, включая в себя все новые ритуалы или элементы ритуалов. Нововведения носили в большей степени характер уточнений и дополнений, существенным образом не влияя на содержание обряда. Видоизменялся принцип подсчета грехов усопшего (например, стало учитываться количество неисполненных намазов во время службы в армии), облегчались требования к «выкупным» ценностям (например, вместо золотых украшений стало возможным использование позолоченных изделий и даже бижутерии). Указанная трансформация, ее характер и динамика дополнительно подчеркивают полное соответствие обряда искят «букве и духу» «народного» ислама, указывая на способность к изменениям, учету бытовых «повседневных» особенностей исполнения религиозных ритуалов.

Манипуляции с металлом в ритуальной практике татар региона также воспринимаются естественной частью мусульманского вероучения. Информанты всякий раз, когда возникает вопрос о каноничности рассматриваемой традиции, апеллируют к религиозному опыту своих предков («в старое время было также»¹, «наши бабушки-дедушки (эби-бабайлар) так делали» [23, с. 349]).

¹ ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Татарские Юнки Торбеевского района, апрель 2017 г. (информант: С. А. Агишев, 1954 г. р.)

Действия с изделиями из железа с ритуальной целью производились в рамках обрядов предпогребального и погребального циклов. В частности, на грудь покойного могут положить ножницы [24, с. 171], железный предмет (лопату, лом или топор) оставляли в могиле до момента похорон [25, с. 56], в посуду с водой для обмывания опускали мелкие монеты (для защиты от духов)¹, после погребения на кровать усопшего клали железный предмет, в выкопанной могиле оставляли металлические монеты (выкупалось место в случае обнаружения прежнего захоронения) [26, с. 86], при посещении кладбища на могиле оставляли металлические монеты².

Цели ритуальных действий с железом, особенно в ходе погребально-поминальных мероприятий, имели, как правило, апотропеическое содержание и были направлены на защиту родственников усопшего от «злых» духов. В отдельных случаях (в частности, при оставлении монет на могиле) целью называлось поминовение усопшего. Подразумевалось, что взявший монету посетитель кладбища обязательно помолится о покойном, его душе.

Защитно-охранительный смысл манипуляций с металлом, распространенных в погребально-поминальной обрядности многих народов России (например, у мордвы, чувашей, удмуртов, карелов), исследователями традиционно возводился к языческим представлениям об особой магической силе железа – элемента, рожденного в стихиях огня и воды [27, с. 45]. Заметим, что информанты затрудняются с ответом на вопрос о происхождении указанной традиции, указывая лишь на ее точное воспроизведение по когда-то увиденному образцу. Связь обряда с языческими верованиями не признается, напротив, утверждается его полное соответствие исламской традиции.

Специфическим историко-культурным конструктом, выступающим неотъемлемой частью «народного» ислама, является институт мусульманских святых (авлия). Применительно к реалиям Республики Мордовия мусульманскими святыми называются сакрализованные в народной памяти фигуры реально существовавших жителей региона, отличавшихся особой праведностью и прозорливостью, глубоким знанием

¹ ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Сургодь Торбеевского района, май 2018 г. (информант: Ф. Т. Эртуганов, 1961 г. р.)

² ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Тархан-Потыма Кадошкинского района, май 2018 (информант: Н. К. Агишева, 1963 г. р.)

Корана и обладавших необычными способностями [28, с. 19]. Отсутствие прямых свидетельств о существовании на территории Мордовского края знаковых объектом исламской агиологии общерегионального характера (крупных святилищ, погребальных комплексов (астана)) позволяет говорить о том, что татарские святые в республике имели сакральное значение для отдельных поселений или групп поселений, т. е. локальное (местное) значение.

В памяти информантов сохранились обрывочные сведения только о двух фигурах, которые по целому ряду признаков могли быть причислены к авлия. Это житель села Латышовка Сяйфулла-мулла и житель села Кривозерье У. А. Халиков, обладавшие, по словам односельчан, особыми способностями и качествами: видение будущего, целительство, общение с животными, птицами и насекомыми.

В институте авлия, его особом содержании и проявлениях этой специфики, отчетливо просматривается влияние суфийской духовной традиции, которая позволяла исламизированным народам сохранить древние доисламские ритуалы почитания предков и рода [7, с. 78]. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в памяти информантов свидетельства о среднеазиатских обрядовых реликтах в обрядах почитания авлия. В частности, существовал особый ритуал поклонения, который включал в себя институт смотрителей могилы, паломничество к месту захоронения, украшение могильной ограды, наличие специальных правил (система запретов) поминовения, что имело место и у татар других регионов [29, с. 62].

Татарские кладбища, в частности места захоронения местных святых (изге каберлар), в советский период выступали в роли особых сакральных пространств, становясь актуальными центрами религиозной жизни [30, с. 324]. Здесь проводились коллективные религиозные действия – моления о вызове дождя, общие собрания в дни мусульманских праздников, а также иные окказиональные обряды [31, с. 16].

Прочно вошли и успешно сакрализировались в религиозной традиции татар разнообразные манипуляции с водой, ставшие частью широкого спектра обрядов как жизненного цикла, так и окказиональных. Среди ритуалов, в которых используется вода или с ней совершаются определенные действия,

наибольшую часть составляют те, в которых в том или ином виде осуществляется чтение молитвы. Выделяются следующие действия: индивидуальное и коллективное чтение молитв(ы) над водой, начертание водой особых сур из Корана, опускание записок с пожеланиями в воду.

В осуществляемые действия татары вкладывают строго определенное ритуальное содержание. В частности, после разнообразных манипуляций вода, как указывают информанты, приобретает целительные свойства (во время коллективных молитв в мусульманские праздники в емкости специально набирается вода); оберегающие свойства (перед дальней дорогой выпивается несколько глотков воды, над которой читалась молитва); очищающие свойства (во время чтения молитвы перед уопшим ставится стакан воды). Часть ритуалов уже не встречается: заготовка воды из семи (или трех) источников [19, с. 188], умывание новорожденного ребенка родниковой водой и ношение воды в новом доме по кругу.

О массовом распространении среди татар региона ритуальных практик, связанных с водой, говорить не приходится. Единственной практикой религиозного (или псевдорелигиозного) содержания, которая в последние годы набирает популярность в сельских поселениях, выступают ритуальные действия, связанные с источниками (родниками). За последние десять лет с благословения священнослужителей (имам-хатыб) и руководителей местных религиозных организаций было восстановлено и облагорожено больше четырех десятков сельских источников, посещение которых оформляется неписаными правилами (нельзя приходить в пьяном виде, в грязной одежде, плакать и т. д.) и ритуальными действиями (высказывание пожеланий, чтение молитв и т. д.).

Отношение к указанным обрядовым действиям в умме противоречивое. Часть верующих активно поддерживают складывающуюся обрядность, считая ее мусульманской по содержанию. Другая часть татар критикует большую часть указанных ритуалов, подчеркивая их неканоничность. Отмечается схожесть с христианскими (наделение обычной воды в праздник Рождества целительными свойствами) и магическими (языческими) обрядовыми действиями («зарядка» воды энергией после произнесения особых словесных формул).

Обсуждение и выводы

Характеризуя религиозные представления татар Республики Мордовия, представляется возможным поддержать мнение Р. В. Абаянова и М. А. Сафарова о том, что особая картина татарской веры обуславливается социокультурной амбивалентностью – специфическим сочетанием процесса ассимиляции и приверженностью к эмоциональной, бытовой стороне ислама [30, с. 328]. В то же время нельзя и абсолютизировать синкретичность (и инаковость) религиозных воззрений татарского населения разных регионов (и Республики Мордовия, в частности), проводя четкие социокультурные границы между «исламом по-казахски», «исламом по-татарски», «исламом по-чеченски», «исламом по-дагестански» и др. В указанном контексте остается актуальным мнение В. О. Бобровникова, специалиста по исламским процессам на Кавказе о том, что, несмотря на значительные изменения ислама в советский период, российские мусульмане не утратили право называться мусульманами [32, с. 25].

Религиозные воззрения татар Республики Мордовия представляют собой локальную форму ислама, в которой в своеобразной культуре сохранены местные (локальные) и национальные традиции, ритуальные практики доисламских культур и соседних народов. Этничность проявляется в своеобразии исполнения и смыслового наполнения обрядов жизненного цикла и окказиональных обрядов. Сложность выделения национального компонента усиливается продолжающейся трансформацией религиозных взглядов татар под воздействием процесса исламского возрождения (приведение ритуально-обрядовой практики к общепринятому стандарту – египетскому, аравийскому и т. д. – и исключение из нее неконических элементов), глобализации (исчезновение локальных (сельских) центров бытования тех или иных этнических религиозных практик, нарушение преемственности в передаче религиозного опыта «сельской глубинки»).

Синкретическое содержание ритуальной практики татар демонстрирует выраженную тенденцию к сужению, «истончению»: забываются оригинальные формы исполнения обрядов, нивелируются территориальные (село – село, село – город) различия в религиозных ритуалах, происходит постепенное замещение местных форм едиными стандартными образцами. Указанные процессы актуализируют потребность

в дальнейшем изучении процессов регионализации ислама в рамках полиэтнических регионов.

Список литературы

1. Беккин Р. Т. Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард русской уммы // Дружба народов. – 2012. – № 10. – С. 152–173.
2. Балтанова Г. Р., Нестулаева Д. Р., Рыбкина Е. А., Хузиева Э. Ф. Крымский ислам и российская умма // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 2. – С. 117–121. EDN: ZNLGYZ.
3. Харипова З. Ф. История евроислама: ислам и либерализм // Известия Иркутского государственного университета. – 2020. – Т. 31. – С. 101–113. DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.101. EDN: CDFAAU.
4. Аминев З. Г., Ямаева Л. А. Башкирский ислам. Истоки, эволюция, современное состояние. М.: Изд-во «Триумф», 2020. 224 с. EDN: PHEKGG.
5. Гаязов Л. Д. Особенности татарского традиционного ислама в постсоветский период // Исламоведение. – 2015. – № 6 (2). – С. 86–94.
6. Сапронова М. А., Чечевишников А. Л., Ярлыкапов А. А. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 122–136. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09.
7. Исхаков Р. Р. Культ мусульманских святых в религиозно-обрядовой традиции татар крящен Волго-Уралья (XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12. – Ч. 3. – С. 78–81.
8. Бареев М. Ю., Агишев Р. Р. Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе // Регионология. – Т. 28. – 2020. – № 2. – С. 303–321. DOI: 10.15507/2413-1407.11.028.202002.303-321. EDN: XDBAVV.
9. Гаврилова Ю. В. Особенности исторических форм религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 73–80. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80. EDN: SECLON.
10. Конталева Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78. DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.62-78. EDN: ZXHMCP.
11. Яхъяев М. Я. Поливариативность исламской культуры: истоки и причины // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 109–121. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121. EDN: PNCGNU.
12. Сызранов А. В. Этнография «народного» ислама // История и историческая память. – 2017. – № 2. – С. 132–140. EDN: YSHUHI.
13. Maroney E. Religious Syncretism. New York, 2006. 114 p.
14. Stewart Ch. From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder // Routledge International Handbook of Diversity Studies. – 2015. – p. 355–362.
15. Yoder D. Toward a Definition of Folk Religion // Western Folklore. – 1974. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–15.
16. Bhabha H. K. The Location of Culture. Abington, 1994. 285 p.
17. Магницкий В. К. Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях. Казань: Типо-лит Имп. ун-та, 1896. 15 с.
18. Ахмаров Г. Н. О языке и народности мишарей // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – 1903. – Т. XIX. – Вып. 2. – С. 223–270.
19. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. Казань: Магариф, 2008. 292 с.
20. Идиатуллин А. К. Эволюция религиозного синкретизма татар-мишарей Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 35–42. EDN: MBZYTX.

21. Миннулин И. Р. Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 116–145. EDN: YPWLDT

22. Ахметова Ш. К. Передача грехов в похоронном обряде казахов Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомиров, Н. Н. Серегин. – Барнаул, 2015. – С. 1581–62. EDN: URUEFD.

23. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н. И. Воробьев, Г. М. Хисамудинов. М.: Наука, 1967. 537 с.

24. Шанкина Л. Н. Похоронно-поминальные обряды татар-мишарей Мордовии // Вестник антропологии. – 2023. – № 3. – С. 1691–83.

25. Шарафутдинов Д. Р., Садыкова Р. Б. Семейные и календарные обычаи и обряды татар. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2012. 352 с.

26. Агишев Р. Р., Баринаова О. Н., Манаева И. В. Похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей Республики Мордовия // Исламоведение. – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 83–94. DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83-94. EDN: PXKHBW.

27. Корнишина Г. А. Семантический статус бытовых предметов из металла в контексте обрядовой культуры мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 3(35). – С. 44–50. EDN: WWHVLV.

28. Сефербеков Р. И., Сефербеков М. Р. Култ святых в исламе у табасаранцев: традиции и современность // Исламоведение. – 2017. – Т. 8. – № 4 (34). – С. 17–31. DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-17-31. EDN: YNOKMR.

29. Габдрахманова Г. Ф., Уразманова Р. К. Мусульманский культ святых у татар волгоуральского региона: особенности формирования и трансформации // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 58–75. DOI: 10.7868/S0869541518020057. EDN: UNYZYS.

30. Абянов Р. В., Сафаров М. А. «Татарская вера». Образ ислама у русского населения Рязанской области // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – Vol. 14. – № 2. – С. 310–334. DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334. EDN: VFKZAK.

31. Давлетшина Л. Х. Моления о дожде в традиции казанских татар // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12. – 1 (78). – С. 16–18. EDN: ZREDTV

32. Уразманова Р. Г. Мусульманские обряды в быту татар // Этническое обозрение. – 2009. – № 1. – С. 13–25. EDN: JVVWATN.

"Folk Islam". The Tatars Religious Syncretism in the Mordovian Republic

Ruslan R. Agishev

The article examines the specifics of the Tatars religious beliefs, which are a local form of Islam in a multiethnic region. The local and ethnic specificity of the performance of Islamic rituals causes the rejection of a part of the Tatar community, which acts as a potential conflict-causing factor. The article involved the results of quantitative and qualitative research: surveys of believers, in-depth interviews of Tatars, included observation within the framework of funeral and memorial rituals. Field results show that the ritual practices of the Tatars – manipulations with water and iron, the cult of Muslim saints, the rite of atonement – retained a significant number of elements from pre-Islamic and non-Muslim religious systems. Rituals, including those that do not correspond to the canons of Islam, are perceived by most of the Tatars of the Republic of Mordovia as truly Muslim. In recent decades, in connection with the processes of Islamic revival, certain religious rites that have attracted criticism from the Muslim clergy have lost their popularity or are rapidly losing it.

Key words: Islam, religious syncretism, national Islam, folk Islam, awliya, iskyat.

For citation: Agishev, R. R. (2024) «Narodnyj islam». Religioznyj sinkretizm tatar Respubliki Mordoviya ["Folk Islam". The Tatars Religious Syncretism in the Mordovian Republic]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 103–117. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_4_103. EDN: KTHMPC

References

1. Beckin, R. T. (2012) *Russkie musul'mane: zabludshaya sekta ili avangard russkoj ummy* [Russian Muslims: a lost sect or the vanguard of the Russian Ummah]. *Druzhiba narodov* [Friendship of Peoples]. No. 10. Pp. 152–173. (In Russ.)
2. Baltanova, G. R., Nestulaeva, D. R., Rybkina, E. A., Khuzieva, E. F. (2017) *Krymskij islam i rossijskaya umma*. [Crimean Islam and the Russian Ummah]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. No. 2. Pp. 117–121. (In Russ.)
3. Kharipova, Z. F. (2020) *Istoriya evroislama: islam i liberalizm* [The history of Euro-Islam: Islam and Liberalism]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State University]. Vol. 31. Pp. 10–113. (In Russ.). DOI: 10.26516/2073-3380.2020.31.101.
4. Aminev, Z. G., Yamaeva, L. A. (2020) *Bashkirskij islam. Istoki, evolyuciya, sovremennoe sostoyanie* [Bashkir Islam. Origins, evolution, current state]. Moscow: tip. Triumf. (In Russ.)
5. Gayazov, L. D. (2015) *Osobennosti tatarskogo tradicionnogo islama v postsovet'skij period* [Features of Tatar traditional Islam in the post-Soviet period]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. No. 6 (2). Pp. 86–94 (In Russ.)
6. Sapronova, M. A., Chechevishnikov, A. L., Sklykapov, A. A. (2020) *Stanovyashcheesya nauchnoe soobshchestvo. Svodnyj portret issledovatelej rossijskogo islama* [The emerging scientific community. Summary portrait of researchers of Russian Islam]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research]. No. 2. Pp. 122–136. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09.
7. Iskhakov, R. R. (2015) *Kul't musul'manskih svyatyh v religiozno-obryadovoj tradicii tatar kryashchen Volgo-Ural'ya (XIX – nachalo XX v.)* [The cult of Muslim saints in the religious and ritual tradition of the Tatars of the Volga-Urals (19th – early 20th centuries)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 12. Pp. 78–81. (In Russ.)
8. Bareev, M. Yu., Agishev, R. R. (2020) *Regional'nye osobennosti nekotoryh tradicij i obycheev v sovremennom islame* [Regional peculiarities of some traditions and customs in modern Islam]. *Regionologija* [Regionology]. Vol. 28. No. 2. Pp. 303–321. (In Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321.
9. Gavrilova, Yu. V. (2019) *Osobennosti istoricheskikh form religioznogo sinkretizma* [Features of historical forms of religious syncretism]. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector]. Vol. 14. No. 2. Pp. 73–80. (In Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-73-80. EDN: CECLON.
10. Kontaleva, E. A. (2017) *Religioznyj sinkretizm v interpretacii rossijskikh i zarubezhnyh issledovatelej* [Religious syncretism in the interpretation of Russian and foreign researchers]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. No. 4. Pp. 62–78. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2017.4.62-78. EDN: ZXHMCP.
11. Yahyev, M. Ya. (2020) *Polivariativnost' islamskoj kul'tury: istoki i prichiny* [The multivariability of Islamic culture: origins and causes]. *Islamovedenie*. [Islamic Studies]. Vol. 11. No. 2. Pp. 109–121. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-2-109-121.
12. Syzranov, A.V. (2017) *Etnografiya «narodnogo» islama* [Ethnography of «national» Islam]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. No. 2. Pp. 132–140. (In Russ.). EDN: YSHUHI.
13. Maroney, E. (2006) *Religious Syncretism*. New York.
14. Stewart, Ch. (2015) *From Creolization to Syncretism: Climbing the Ritual Ladder*. Routledge International Handbook of Diversity Studies. Pp. 355–362.
15. Yoder, D. (1974) *Toward a Definition of Folk Religion*. *Western Folklore*. Vol. 33. No. 1. Pp. 1–15.
16. Bhabha, H. K. (1994) *The Location of Culture*. Abington.

17. Magnitsky, V. K. (1896) *Neskol'ko dannyh o misharyah i seleniyah ih v Kazanskoj i Simbirskoj guberniyah* [Some data on the mishars and their villages in the Kazan and Simbirsk provinces]. Kazan: tip Imperial University. (In Russ.)

18. Akhmarov, G. N. (1903) *O yazyke i narodnosti misharej* [About the Mishari language and nationality]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Vol. 19. No. 2. Pp. 223–270. (In Russ.)

19. Mukhamedova, R. G. (2008) *Tatary-mishari: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Mishari Tatars: a historical and ethnographic study]. Kazan: Magarif. (In Russ.)

20. Idiatullov, A. K. (2010) *Evolyuciya religioznogo sinkretizma tatar-misharej Ul'yanovskoj oblasti* [The evolution of religious syncretism of the Tatar Mishars of the Ulyanovsk region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 1. Pp. 35–42. (In Russ.)

21. Minnulin, I. R. (2016) *Islamskoe vozrozhdenie v tatarskoj derevne Mordovii v sovetskij i postsovet-skij periody* [Islamic revival in the Tatar village of Mordovia in the Soviet and post-Soviet periods]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. No. 1 (35). Pp. 116–145. (In Russ.)

22. Akhmetova, Sh. K. (2015) *Peredacha grekhov v pohoronnom obryade kazahov Zapadnoj Sibiri* [Transfer of sins in the funeral rite of the Kazakhs of Western Siberia]. *Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov* [Integration of archaeological and ethnographic research: a collection of scientific papers]. Barnaul. Pp. 158–162. (In Russ.). EDN: URUEFD.

23. Vorobyov, N. I., Khisamutdinov G. I. (1967) (ed.) *Tatary Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [Tatars of the Middle Volga region and the Urals]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

24. Shchankina, L. N. (2023) *Pohoronno-pominal'nye obryady tatar-misharej Mordovii* [Funeral and memorial rites of the Tatar bearers of Mordovia]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 3. Pp. 169–83. (In Russ.)

25. Sharafutdinov, D. R., Sadykova, R. B. (2012) *Semejnye i kalendarnye obychai i obryady tatar* [Family and calendar customs and rituals of the Tatars]. Kazan: The Main Archive Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan. (In Russ.)

26. Agishev, R. R., Barinova, O. N., Manaeva, I. V. (2021) *Pohoronno-pominal'naya obryadnost' tatar-misharej Respubliki Mordoviya* [Funeral and memorial rites of the Tatar bearers of the Republic of Mordovia]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 12. No. 1. Pp. 83–94. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83-94. EDN: PXXHBW.

27. Kornishina, G. A. (2016) *Semanticheskij status bytovykh predmetov iz metalla v kontekste obryadovoj kul'tury mordvy* [The semantic status of household metal objects in the context of the ritual culture of the Mordvins]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Humanities: current problems of humanities and education]. No. 3 (35). Pp. 44–50. (In Russ.). EDN: WWHVLV.

28. Seferbekov, R. I., Seferbekov, M. R. (2017) *Kul't svyatykh v islame u tabasarancev: tradicii i sovremennost'* [The cult of saints in Islam among Tabasarans: traditions and modernity]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. Vol. 8. No. 4 (34). Pp. 17–31. (In Russ.). DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-4-17-31.

29. Gabdrakhmanova, G. F., Urazmanova, R. K. (2018) *Musul'manskij kul't svyatykh u tatar volgo-ural'skogo regiona: osobennosti formirovaniya i transformacii* [The Muslim cult of saints among the Tatars of the Volga-Ural region: features of formation and transformation]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2. Pp. 58–75. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0869541518020057.

30. Abyanov, R. V., Safarov, M. A. (2021) «Tatarskaya vera». *Obraz islama u russkogo naseleniya Ryazanskoj oblasti* [«Tatar faith. The image of Islam among the Russian population of the Ryazan region. Minbar. Islamic Studies [Minbar. Islamic Studies]. Vol. 14. No. 2. Pp. 310–334. (In Russ.). DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-2-310-334.

31. Davletshina, L. H. (2017) *Moleniya o dozhde v tradicii kazanskikh tatar* [Prayers for rain in the tradition of the Kazan Tatars]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. No. 12. Pp. 16–18. (In Russ.). EDN: ZREDTV.

32. Urazmanova, R. G. (2009) *Musul'manskije obryady v bytu tatar* [Muslim rituals in the life of Tatars]. *Etnicheskoe obozrenie* [Ethnic review]. No. 1. Pp. 13–25. (In Russ.)

Об авторе

Агишев Руслан Ряфатович, кандидат исторических наук, Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск, Российская Федерация; e-mail: agishev2019@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0179-8336

About the author

Agishev Ruslan R., Candidate of Historical Sciences, Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russian Federation; e-mail: agishev2019@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-0179-8336

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024
Одобрена после рецензирования 10.09.2024
Принята к публикации 07.10.2024*